

Громкое имя

Огромный успех полицейской трилогии "Смертельное оружие" закрепил за Мелом Гибсоном право делать в Голливуде все, что ему вздумается. В том числе и снимать фильмы в качестве режиссера. Два года назад герой крупных жанров дебютировал в режиссуре трогательной драмой "Человек без лица", которая была благосклонно встречена критикой, хотя и не имела особого успеха в прокате.

Очевидно, первый фильм был только пробой пера. В этом году Гибсон выпустил новую работу "Храброе сердце" — эпический исторический боевик, в котором выступил как продюсер, постановщик и исполнитель главной роли.

Год назад, когда съемки только начинались, многие предрекали фильму провал. Но хотя недоброжелатели и

Мел ГИБСОН:

"В нашем фильме пахнет грязью и кровью"

предвкушали повторение истории с "Водным миром", Гибсон сумел уложить в смету, перенес съемки из Англии в Ирландию, где ниже уровень налогов; кроме того, ирландцы согласились бесплатно предоставить ему национальную гвардию в качестве статистов для батальных сцен.

Фильм "Храброе сердце" рассказывает о легендарном шотландском воине 13 века Уильяме Уоллесе, который возглавил борьбу своего народа против англичан. В отличие от Ричарда Гира, который решительно американизировал своего Ланселота в недавнем "Первом рыцаре", Гибсон сумел остаться верным духу истории, хотя некоторые его поклонники (и особенно поклонницы!) поначалу кривились при виде своего любимца, запечатленного на съемочной площадке с длинными спутанными волосами и физиономией, выкрашенной в синий цвет.

В мае 1995 года фильм вышел в американский прокат, и хотя критики почти единодушно признали "Храброе сердце" событием эпического жанра, лента Гибсона не смогла догнать по кассовым сборам чемпионов летнего сезона — "Бэтмена" и "Покахонтас". Национальные доходы от фильма составили всего 60 миллионов долларов. Но по мере его триумфальной демонстрации на экранах мира и показов на престижных фестивалях слава "Храброго сердца" росла, и осенью продюсеры решили повторно выпустить фильм Гибсона в широкий прокат. В интервью, "собранном" из отрывков пресс-конференций Гибсона во время премьер в различных странах, автор "Храброго сердца" рассказывает о своем детище.

— Вам не кажется, что вы рисковали остаться без гроша, став продюсером такой глыбы?

— (Смех). У меня было немного припасено на черный день. Но вы правы в том, что на крупнобюджетных фильмах можно здорово погореть. Надеюсь, мы все-таки сделали фильм, который понравится и окупится.

— Вы удовлетворены результатами проката в США?

— "Храброе сердце" выпустили в тот момент, когда на экранах шла жесточайшая конкуренция между новыми боевиками. Считаю, что наш фильм с достоинством вышел из состязания, тем более, что при бюджете 70 миллионов долларов окупить фильм, идущий около трех часов, очень сложно — меньше сеансов, часть потенциальных зрителей ждет выпуска длинного фильма на видео, чтобы смотреть его дома по частям. А уж история с повторным выпуском на экраны — и вовсе из ряда выходящее событие! Студии почти никогда так не поступают. Впрочем, все мы — наемная рабочая сила, и чиновники на студиях тоже только исполнители. Отдел маркетинга передает информацию отделу проката, отдел проката передает заказ отделу рекламы, и так далее. Я рад, что у нашего фильма появился второй шанс выйти к зрителям.

— На фестивале американских фильмов в Довилле "Храброе сердце" не было. Он не считается американским фильмом?

— Полагаю, что наш фильм скорее европейский, чем американский. Музыкальное сопровождение играет Лондонский симфонический оркестр. Вся

съемочная группа — из Великобритании. Съемки проходили в Шотландии и Ирландии.

— Но деньги выделяла все-таки американская кинокомпания "Парамаунт". Как отнеслись тамошние чиновники к тому, что главный герой не моет волосы шампунем?

— Они знали, на что идут. Я с самого начала хотел, чтобы в нашем фильме пахло грязью и кровью. Уоллес боролся за свободу страны, но без грязи и крови такие дела не делались. Мне нравится атмосфера фильма.

— Вы показали этот фильм на Венецианском фестивале вне конкурса. Это было сделано для того, чтобы отвлечь публику от конкурсных показов?

— (Смех). Ну, знаете... Фестивали порой бывают ужасно занудными, людям нужно немного отвлечься.

— Не боитесь, что ваш фильм снова разбудит старую вражду между англичанами и шотландцами?

— Нет, ни в коем случае! На фильме работали и англичане, и шотландцы, и ирландцы, и все прекрасно друг к другу

образом скрестились мифы Иисуса Христа и Че Гевары.

— Какую "половинку" вы предпочитаете?

— Должен признаться, что люблю сигары. Хотя, конечно, в жизни все гораздо сложнее.

— А вы уверены, что Христос не курил?

— Головы на отсечение не дам, но советую вспомнить его изречение "тело есть храм". К тому же в те времена на Ближнем Востоке не выращивали табака.

— Итак, в вашем фильме богатые противопоставляются бедным. Что это, классовая борьба?

— Я плохо разбираюсь в тонкостях классовой борьбы, поскольку никогда не жил в обществах с жесткой классовой структурой. И в Австралии, и Америке перегородки между разными слоями людей достаточно прозрачны. Конечно, различия существуют, но они не такие жесткие и традиционные, как в Европе.

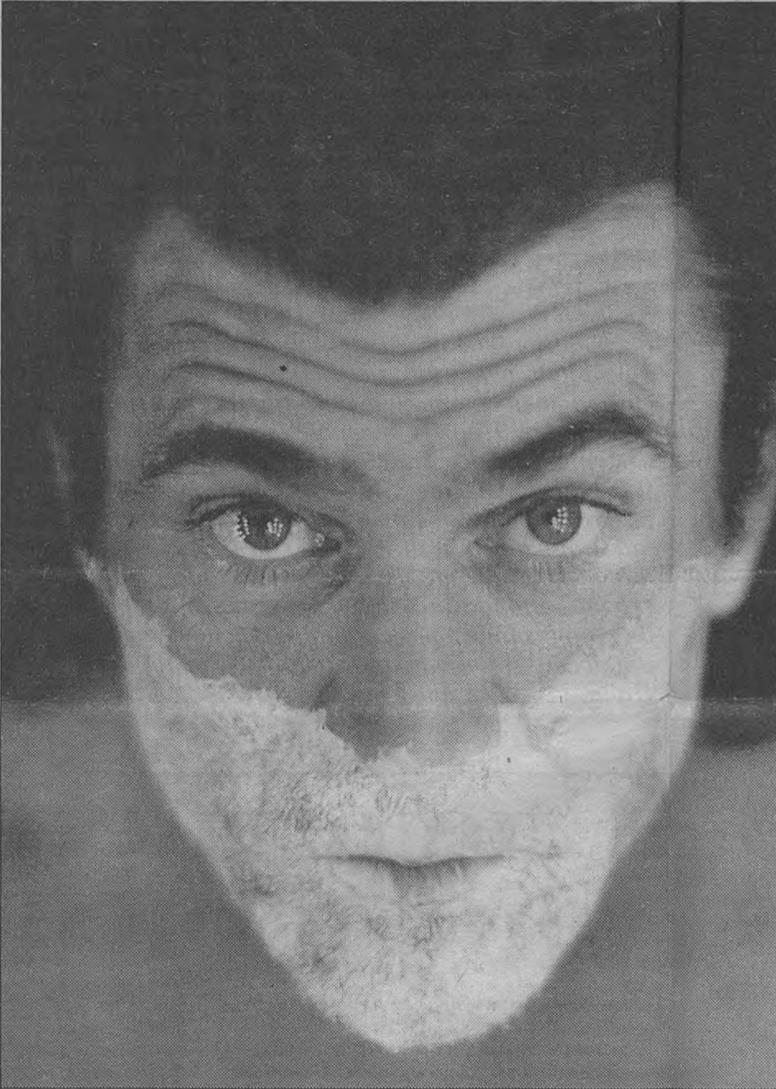
— Вы родились в Америке, выросли в Австралии, карьеру делали сно-

вашем фильме — сражения. Сколько статистов попало в больницу?

— Прежде всего мы позаботились о том, чтобы у нас не было несчастных случаев. Каким бы гениальным ни получился фильм, он все равно не стоит настоящей крови. Малейшая неточность могла повлечь за собой плачевные последствия. Поэтому дни, когда мы снимали батальные сцены, были для меня самыми нервными. Но, к счастью, никто не пострадал, ни люди, ни лошади. Нет, стойте... Один парень повредил лодыжку. Но когда его уносили на носилках, он смеялся над остальными, потому что теперь он на полгода получил отдых от армии на юге Франции. Так было записано в контракте.

— Всего один человек из нескольких тысяч статистов?

— Понимаю, трудно поверить. Мне тоже сначала не верилось, что мы отсняли все без увечий. Но мы действительно очень тщательно готовились к сражениям. Собирались на настоящий военный совет и расписывали наши военные кампании. У каждого из нас был план-схема сражения, мы постоянно

относились.

— Но англичане представлены в фильме исключительно как злодеи.

— Возможно, но при этом они гораздо умнее шотландцев, у которых сохраняется более примитивный уклад жизни. Англичане вообще очень умный народ, поэтому, я думаю, они поймут, что это киноусловность. В фильме должны быть герои и злодеи. Кроме того, шотландские правители ведут себя предельски по отношению к народу, поэтому наш фильм можно расценивать не как противопоставление англичан и шотландцев, а как противопоставление благородного народа и подлых правителей.

— Значит, Уильям Уоллес — брат Робин Гуда?

— О... Да, наверное. Люди из народа, не нашедшие себя в существующей системе, становятся либо мучениками, либо революционерами. Уоллес стал и тем и другим. Я люблю истории, которые как бы сошли со страниц книг Джозефа Кэмпбелла. Его исследование генезиса мифов объясняет сутьность различных моделей героев, возникших еще в те незапамятные времена, когда люди сидели в пещерах вокруг костра и рассказывали друг другу истории, чтобы отогнать призраки страха и неуверенности в будущем. В Уоллесе стран-

ва в США. Что привлекло вас в истории, происшедшей в другой стране и в другое время?

— Мне понравился характер страны и эпохи. Люди жили в очень тяжелых условиях, климат был суровый, со всех сторон — враги. В результате народ стал жестким и несгибаемым.

— Ваш фильм сравнивали с матчем регби...

— Простите?
— Все просто, без двусмысленностей.

— Дело в том, что сюжет фильма довольно сложен, происходит много событий, поэтому мы не могли позволить себе отвлекаться на двусмысленности. Мне хотелось бы снять фильм вообще без диалогов, но, увы, это невозможно. Даже в немую эпоху кино существовали титры.

— Вы видели "Королеву Марго"? Ваш фильм кажется попыткой снять диалектально-противоположную по духу историческую драму.

— Мне понравилась "Королева Марго". Действительно, совершенно иной фильм. Но я не думал о том, что снимаю "Храброе сердце" в противовес какому-то другому фильму. По правде говоря, я смотрел "Королеву Марго" в самолете, на маленьком экране.

— Самые впечатляющие сцены в

держали связь по радию.

— Каждый статист знал своего противника, или же сражался спонтанно?

— Сцены с конями и общими планами сражений были самыми трудными. Рукопашные поединки оказались самыми легкими. Мы два дня репетировали, каждый человек знал свои движения в целом — вперед, назад — и отработывал с партнером отдельные детали. Каждый статист дрался по-разному, и в конечном счете это пошло на пользу фильму: когда мы смотрим на сражение сверху и видим, что каждый дерется, как может, пропадает впечатление искусственности.

— У вас много комбинированных кадров в сцене конных атак?

— Я немного помухлевал со скоростью пленки, но все остальное — как есть на экране. Ряд сцен мы снимали со скоростью 28 кадров в секунду, а потом показывали с обычной — 24 кадра, что создало чуть-чуть отстраненное впечатление. Это еще не рапид, поскольку действие замедляется всего на 1/6, но уже появляется легкий сдвиг в субъективное восприятие человека, отупевшего от крови.

— Почему на американских афишах над названием вынесено только ваше имя, а на французских рядом появилось имя Софи Марсо? Это что, тонкости прокатной политики?

— Понятия не имею. (После консультации с пресс-агентом). Говорят, на всех европейских плакатах мы с Софи будем красоваться вместе. Я не имею ничего против.

— Вы вдохновлялись в вашей работе какими-нибудь старыми великими фильмами?

— В детстве я много ходил в кино и очень внимательно смотрел на экран. Много лет я надеялся увидеть самый лучший фильм на свете, но так с ним и не столкнулся. А когда прочитал сценарий "Храброго сердца", понял, что у меня есть шанс сделать этот "самый-самый" фильм. Наверное, я пытался снять фильм, который мечтал посмотреть в детстве. Надеюсь, нынешним подросткам он понравится.

— Но ваш фильм очень жесток. Можно ли рекомендовать его детям?

— Когда я посмотрел первый, черновой монтажный вариант, понял, что много перегнул палку. В результате мы слегка сократили самые жестокие эпизоды.

— Какие, например?

— Ну, например, мы показываем отрубленную голову не секунду, а полсекунды. Не смеяться, это имеет огромное значение. Но я не хотел изменять свирепому и неукротимому духу истории.

— Если не секрет, вы испытали на себе суровую жизнь древних шотландцев во время съемок?

— Нет, да же не пытался. Я люблю роскошь. И потом, я не вижу в этом особой необходимости. Современный человек, привыкший к роскошной жизни, ничем не отличается от людей XII века. Те люди были не глупее нас с вами. Просто у нас больше технических игрушек, вот и все.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС — ЛОНДОН — ПАРИЖ — ВЕНЕЦИЯ.

Экран и сцена